

УДК 94(477.75)»193/194»:061.12

**ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧЕНОГО:
ВОКРУГ РЕАБИЛИТАЦИИ Г. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО
(КОНЕЦ 30-х – НАЧАЛО 40-х гг. XX в.)**

Севастьянов А. В.

*РВУЗ «Крымский университет культуры, искусств и туризма», Симферополь, Украина
E-mail: spu_crimea@mail.ru*

В статье на основе обобщения новых документальных материалов ведомственных архивов Санкт-Петербурга (СПФАРАН, ИИМК РАН НА РО, АРЭМ) и разработок современной биоисториографии освещаются обстоятельства реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского после отбывания лагерного заключения в 1934–1936 гг., в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. Прослеживаются основные этапы создания им капитальной монографии «Палеолит Крыма» и присуждения ученой степени доктора исторических наук в 1941 г.

Проблема изучения периода массовых репрессий (конец 20–начало 50-х гг. XX в.), направленных против выдающихся деятелей отечественной науки и культуры занимает все более заметное место в разработках современной историографии. Немалое значение имеют исследования, посвященные введению новых корпусов неизвестных архивных документов, позволяющие восстановить новые факты биографий ученых, влияние этих событий на общую атмосферу и состояние науки в исследуемый период. Изучение истории крымоведения в 20–30-е гг. XX в. содержит еще немало неисследованных сюжетов. Одним из них является научная биография и анализ творческого наследия выдающегося советского археолога, антрополога и этнографа Г. А. Бонч-Осмоловского. Одним из малоизученных сюжетов жизни ученого являются обстоятельства его ареста в 1933 г., заключения и возвращения в Ленинград в 1936 г. и последующей борьбы за реабилитацию. Объясняется это, прежде всего, противоречивостью источниковой базы. Значительный пласт информации содержат материалы фондов ИИМК РАН НА РО. Однако, материалы личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского, как в ИИМК РАН НА РО (ф. 71), так и в АРЭМ остаются недоступны исследователям, т. к. в них не проведена необходимая научно-техническая обработка материалов. При этом состав этих фондов играет ключевую роль при восстановлении основных этапов биографии ученого.

На рубеже 20–30-х гг. XX в. Г. А. Бонч-Осмоловский уже был состоявшимся ученым. Об этом говорят его многочисленные публикации о раскопках первобытных скальных навесов и пещер в Крыму. Была подтверждена подлинность и древность костных останков неандертальцев из пещеры Киик-Коба, началась масштабная работа по анализу антропологических материалов, формулировке теоретических выводов. В 1926 г. ученый смог совершить поездку во Францию и провести необходимые консультации с наиболее значимыми исследователями мирового масштаба. Наряду с профессором П. П. Ефименко Г. А. Бонч-Осмоловский являлся наиболее

авторитетным специалистом по палеолиту в советской науке, возглавлял Четвертичный отдел в Геологическом институте АН СССР. 29 ноября 1933 г. ученый был арестован, в апреле 1934 г. – приговорен к 3-летнему лагерному сроку в Воркуте, сумел досрочно освободиться в феврале 1936 г., после чего вел постоянную борьбу за реабилитацию, в которой участвовали авторитетные представители разных подразделений АН СССР. Ее результатом стало снятие судимости в феврале 1941 г., восстановление научной репутации и присуждение ученой степени доктора исторических наук в сентябре 1941 г без защиты диссертации.

Ключевые слова: Г. А. Бонч-Осмоловский, палеолит Крыма, Академия наук СССР, Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР, П. П. Ефименко.

Проблема изучения периода массовых репрессий (конец 20–начало 50-х гг. XX в.), направленных против выдающихся деятелей отечественной науки и культуры, научно-педагогических работников, подвижников краеведческого движения, музейного и библиотечного дела занимает все более заметное место в разработках современной историографии. Немалое значение имеют исследования, посвященные введению новых корпусов неизвестных архивных документов, позволяющие восстановить новые факты биографий ученых, по новому осмыслить смысл и логику трагических обстоятельств их жизни, влияние этих событий на научную карьеру и общую атмосферу и состояние науки в исследуемый период. В данном контексте нельзя не отметить значительный качественный прорыв последнего десятилетия в крымоведческом направлении истории науки. Он характеризуется появлением капитальных монографий биобиблиографического профиля, обоснованно претендующих на полноценные энциклопедические исследования всего состояния крымоведения первых советских десятилетий. Безусловное первенство и стратегическую направленность в этом контексте занимают работы профессора Таврического национального университета имени В. И. Вернадского А. А. Непомнящего [1–4] по сути обеспечивающие методологический и источниковый фундамент последующих штудий.

Вместе с тем, само по себе изучение истории крымоведения в 20–30-е гг. XX в. содержит еще немало неисследованных сюжетов. Одним из них является научная биография и анализ творческого наследия выдающегося советского археолога, антрополога и этнографа, профессора Ленинградского государственного университета, доктора исторических наук Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943). Отсутствие полноценного очерка жизни ученого, трудность восстановления необходимой источниковой базы его деятельности и научных изысканий, их анализа объясняют **актуальность** нашего исследования.

В современной историографии имя Г. А. Бонч-Осмоловского возвращено из небытия. Это стало возможным благодаря работам его ученика, доктора исторических наук, члена-корреспондента АН УССР Сергея Николаевича Бибикова (1908–1988) [5–6], впервые создавшего обзорный очерк жизни и деятельности ученого. Современные исследователи-археологи С. В. Смирнов, Г. П. Григорьев, С. А. Васильев [7–9] переосмыслили положения научных трудов Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте развития археологической науки, У. К. Мусаева представила развернутый анализ его этнографических экспедиций и штудий [10].

Профессор
Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский
(1890–1943)

Юлия.

О т з в е т

о научной работе брата, старшего научного сотрудника Государственной Академии Истории Материальной Культуры — Глеба Анатольевича БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО, оставленного Институтом истории феодального общества.

Как известно, Бонч-Осмоловскому принадлежат ряд работ по древнейшей, палеолитической истории Крыма, которые почти целиком посвящены последним десятилетиям каменного века. Однако последние исследования Глеба, связанные в основном с теми или иными ярусами в настоящее время о крымском палеолите, также относятся к работам Глеба Бонч-Осмоловского, как открытие пещерного поселения Кырк-Юба / Ялмарголова древнейшим на территории Крымского полуострова памятником на территории СССР, заклад его работ в Крымско-Юба, Сурени и т. д. вне всякого сомнения внесают много нового и достаточно ценного в науку о древнейшей истории Европы.

Результаты исследований Г. А. Бонч-Осмоловского в предпринятой форме были опубликованы в ряде журналов. В последние времена по кафедре геологического общества он был занят подготовкой большой итоговой работы по Крымскому полуострову. Эту тему он частично докладывал в ряде всесоюзных кафедр, где встречал в основном, вполне положительную оценку.

Нельзя не отметить ту роль, которую Бонч-Осмоловский сыграл по линии Академии Наук — в деле подготовки к месячному Родному Съезду по четвертичной геологии. Несомненно, что благодаря его энергии, направленной на укрепление секции человека, с его, в сравнительно трудных условиях, удален лучше, чем во многих других. Им в достаточно короткий срок был собран четкий отчетный отчет Геологического Музея Академии Наук, являющийся научной базой съезда. Он же организовал и возглавил секцию человека, проводя эту работу. Удачно, что в программе последних международных съездов по четвертичной геологии / Палео-форк, Прага / участие человека заняло вполне прочное место.

Из сказанного следует, что с Бонч-Осмоловским за последние годы, был связан достаточно крупный участок научно-исследовательской и организационной работы. Это значение, как научного работника, приходится оценивать т. а. Достаточно высоко.

Слабой стороной Г. А. Бонч-Осмоловского, по моему мнению является собственно творческая часть. Он значительно отличался как исследователь практик, чем в области научных обобщений. В его работах недостает широкого исторического понимания фактов, которое подчас приводит к значительной мере вульгарно-материалистическим толкованиям. Это приводит, очевидно, к ошибкам, тем, что Бонч-Осмоловский в области изучения геологического общества ставил на повестку дня вопросы, каковы они и каковы, а не на своем образовании. Изучение памятников первобытной истории не только времени не утратило для него имеет не меньшее

В/об.

Отзыв профессора П. П. Ефименко и академика И. И. Мещанинова о научной работе Г. А. Бонч-Осмоловского (1934 г., ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 54)

14

На чальнику НКВД Ленинградской области тов. Голдлизе

Бонч-Осмоловского Глеба Анатольевича. Научного работника. Адрес: Ленинград В.О., 8 линия д. № 31 кв. 6

При обработке добрых материалов по ископаемому человеку, мне удалось, как можно видеть из прилагаемых при сем отзывов, сделать крупное открытие позволяющее совсем по новому осветить проблему происхождения человека. Первый том моего труда уже вышел в свет; второй - печатается в издательстве Академии Наук СССР, над третьим я работаю в настоящее время.

Однако, условия моей работы крайне тяжелые: волею-неволею раньше судимости, неоднократно мною опротестованной / орок 3 года, по ст. 58 п. 10-11, освобожден в феврале 1936 года на 3 месяца раньше срока / я не имею права жить в Ленинграде и Москве, где сосредоточены лучшие научные институты, необходимые лаборатории и библиотеки. Жизнь в деревне / ст. Средж под Ленинградом / вне семьи без необходимых условий, с оплатой только по издательскому договору, несомненно отражается на сроках и качестве моей работы. Достаточно сказать, что в целях получения точного окладного материала мне пришлось в течение месяца тайком, в лесу у костра вытравивать 20 человеческих рук.

Все вышесказанное не дало никаких результатов. На поданное мною год тому назад / 7/VI-1939 года за № 3403 / заявление о снятии судимости, поддержанное Президентом Академии Наук СССР В.Д. Комаровым также до сих пор не последовало ответа.

Прошу Вас обратить внимание на тяжелые условия моей работы и разрешить мне поселиться в Ленинграде.

Обращение Г. А. Бонч-Осмоловского на имя начальника Управления НКВД по Ленинградской области С. А. Голдлизе с прошением о снятии судимости (1940 г., ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 17)

10

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Академик Ф. Ю. ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГ
Директор Петрографического Института им. Ф. Ю. ЛЕВИНСОН-ЛЕССИНГА

Дост. Академиком Фом - Семашкиным
двигатель природы, способствующий
всплеску биодарования афро-
мочий и гетеротропных организмов.
Эти организмы в Крону
Сам. космологический по теории
материальной материи. Космос
взрывает его ритм и вращает -
двигатель биодарования
Демонстрация науки, философия
Наука и философия как наука
Рациональная наука. В мире
Том. Семашкинов и много
критического ритма биодарования
науки, что у него счастливый
состоявшийся гуманизм, а не
наука к материальной науке
наука к материальной науке
Самый гуманизм в мире, что
ты, Космос, и наука, Космос
в мире, наука, биодарование
наука, наука, биодарование
Ф. Ю. Том - Семашкинов
двигатель природы, способствующий
всплеску биодарования
наука, наука, биодарование
Ф. Ю. Том - Семашкинов
двигатель природы, способствующий
всплеску биодарования
наука, наука, биодарование
Ф. Ю. Том - Семашкинов

Отзыв академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга о научно работе Г. А. Бонч-Осмоловского (1936 г., ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3, д. 76, л. 20)

ВОЗВРАЩЕНИЕ УЧЕНОГО: ВОКРУГ РЕАБИЛИТАЦИИ
Г. А. БОНЧ-ОСМОНОВСКОГО (КОНЕЦ 30-х – НАЧАЛО 40-х гг. XX в.)

5

ПРЕДСЕДИТЕЛЬ
Счетной комиссии, выделенной Ученым Советом МГУ для изучения истории и деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в период его переезда из Ленинграда в Москву и о его деятельности в период восстановления исторической науки в МГУ. Ученый секретарь: М. Я. Марра

Счетная комиссия в составе: М. Я. Марра, И. А. Мухоморов, М. А. Д. Мухоморова, М. А. Д. Мухоморова
/Председатель: И. А. Мухоморов, члены комиссии: М. Я. Марра, М. А. Д. Мухоморова, М. А. Д. Мухоморова

..... /члены комиссии/

получила /...../ членами комиссии по количеству членства Ученого совета биллетелей для выдачи их под расписку присутствующим на заседания Ученого Совета; расписки /...../ биллетелей, остальных неиспользованных /...../ биллетелей, опущено в урну /...../ биллетелей.

По проведенной переписке Счетная комиссия вскрыла урну обнаружив всего /...../ биллетелей в проценте подсчет биллетелей, все биллетели и проанализировала действительность.

Подсчет биллетелей показал, что за провозглашение искомой степени подано /...../ биллетелей, против /...../ биллетелей, воздержавшись /...../ биллетелей.

Таким образом, решение Ученого Совета МГУ о восстановлении Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ, принятое 27 сентября 1941 г., не подлежит отмене.

ОТМЕНА РЕШЕНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА МГУ ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ Г. А. БОНЧ-ОСМОНОВСКОГО

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: М. Я. Марра

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ: И. А. Мухоморов, М. А. Д. Мухоморова

Протокол счетной комиссии Ученого совета ИИМК имени Н. Я. Марра АН СССР от 27 сентября 1941 г. по итогам тайного голосования за присуждение Г. А. Бонч-Осмоловскому степени доктора исторических наук (ИИМК РАН на РО, ф. 35, оп. 3, д. 9, л. 5)

Выписка из протокола Ученого Совета Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР от 27 сентября 1941 г.

Д. У. СЛУЖАИ: С приючением Ученой степени доктора исторических наук Г. А. Бонч-Осмоловскому, без защиты диссертации

Зар. подготовкой докладов ИИМК sesión. научн. собр. И. А. Таганова предлагает следующие документы:

1. Доклад Г. А. Бонч-Осмоловского о восстановлении ж. д. в Ленинграде в период его переезда в Москву.
2. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
3. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
4. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
5. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
6. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
7. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
8. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
9. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
10. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
11. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.
12. Доклад ИИМК о деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского в МГУ в период его восстановления исторической науки в МГУ.

Тайным голосованием Ученый совет ИИМК назначался за присуждение Ученой степени доктору исторических наук Г. А. Бонч-Осмоловскому следующий:

ПОСТАНОВИТЬ: возбудить ходатайство перед Высшей Аттестационной Комиссией ВКШ об утверждении Г. А. Бонч-Осмоловского в Ученой степени доктора исторических наук, без защиты диссертации, на основании решения Ученого совета ИИМК.

Председатель: проф. М. Я. Марра

Выписка из протокола заседания Ученого совета ИИМК имени Н. Я. Марра АН СССР 27 сентября 1941 г. по рассмотрению вопроса о присуждении Г. А. Бонч-Осмоловскому степени доктора исторических наук (ИИМК РАН на РО, ф. 35, оп. 3, д. 9, л. 1)

Значительный интерес в процессе восстановления крымского периода жизни Г. А. Бонч-Осмоловского носят упомянутые публикации профессора А. А. Непомнящего [1–4], которые вводят в научный оборот значительные корпуса неизвестных источников из архивов Санкт-Петербурга, касающиеся роли ученого в создании и первоначальной деятельности КрымОХРИСа, его организаторских усилий по созданию музейной сети в регионе, археологических исследованиях 20-х гг. XX в., связях с представителями крымской научной общественности, прежде всего – с профессором Н. Л. Эрнстом. Не менее важная и ценная информация, позволяющая изучить подробности жизни Г. А. Бонч-Осмоловского содержится в публикациях доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург), распорядителя семейного архива Бонч-Осмоловских Н. И. Платоновой [11–14]. Данные статьи представляют собой синтез доступных архивных источников с неопубликованными материалами фамильного собрания, в том числе – дневниками супруги ученого О. Г. Бонч-Осмоловской и семейной перепиской. Наиболее полным и информативным на данный момент исследованием Н. И. Платоновой о жизни Г. А. Бонч-Осмоловского в 20–30-е гг. XX в. следует считать главы книги «Г. П. Сомов», посвященной исследованию биографии пасынка ученого [15]. Участие Г. А. Бонч-Осмоловского в работе Российского общества по изучению Крыма, обзорный анализ его археологических открытий и разбирательство «дела Г. А. Бонч-Осмоловского» специальной комиссией Секции научных работников АН СССР в 1930 г. освещен в наших публикациях [16–17]. Общий анализ разработок столичных исследователей и крымоведов дает основания говорить о пока что неполном и фрагментарном характере исследования биографии и научных изысканий Г. А. Бонч-Осмоловского.

Одним из наиболее интересных, но при этом – малоизученных сюжетов жизни Г. А. Бонч-Осмоловского являются обстоятельства его ареста в 1933 г., заключения и возвращения в Ленинград в 1936 г. и последующей борьбы за реабилитацию. Объясняется это, прежде всего, противоречивостью источниковой базы. Основные документы об экспедиционной деятельности ученого хранятся в рукописном отделе Научного архива Института материальной культуры РАН (ИИМК РАН НА РО, г. Санкт-Петербург) в фонде «Государственная академия истории материальной культуры» (ГАИМК) (ф. 2). Данные материалы позволяют получить исчерпывающую информацию о ходе работ Г. А. Бонч-Осмоловского в Крыму на протяжении 1923–1933 гг., когда были произведены раскопки ряда крымских памятников, сделаны выдающиеся открытия в пещере Киик-Коба и сформулированы основные положения теории ученого об условиях жизни и эволюции древнейших обитателей крымских гор, а по сути – людей в среднем палеолите (эпоха мустье). Значительный пласт информации также содержат материалы фонда «Институт истории материальной культуры АН СССР» (ф. 35), данное учреждение стало преемником ГАИМК с 1937 г. и в нем Г. А. Бонч-Осмоловский смог продолжить свою исследовательскую работу после возвращения из заключения. Однако, материалы личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского, как в ИИМК РАН НА РО (ф. 71), так и в научном архиве Российского этнографического музея (РЭМ, г. Санкт-Петербург) остаются недос-

тупны исследователям, т. к. в них не проведена необходимая научно-техническая обработка материалов. При этом состав этих фондов играет ключевую роль при восстановлении основных этапов биографии ученого.

На рубеже 20–30-х гг. XX в. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский уже был состоявшимся ученым. Об этом говорят его многочисленные публикации о раскопках первобытных скальных навесов и пещер в Крыму. Уже была подтверждена подлинность и древность костных останков неандертальцев из Киик-Кобы, началась масштабная работа по анализу антропологических материалов, формулировке теоретических выводов. В 1926 г. ученый смог совершить поездку во Францию, бывшую тогда центром европейского палеолитоведения, провести необходимые консультации с наиболее значимыми исследователями мирового масштаба А. Брейлем, Г. Мартеном, Д. Пейрони и другими [11, с. 134–137, 16, с. 158–160]. Можно сказать, что научная карьера складывалась исключительно успешно, фактически, наряду с профессором ЛГУ Петром Петровичем Ефименко (1884–1969) Г. А. Бонч-Осмоловский являлся наиболее авторитетным специалистом по палеолиту в советской науке, возглавлял Четвертичный отдел в Геологическом институте АН СССР.

Однако кроме сугубо научных успехов важную роль в эти годы играли общие социально-политические обстоятельства. А они складывались далеко не идеально. Уже в 1929–1930 гг. начался первый виток репрессий против представителей академического сообщества – т. н. «Академическое дело», направленное на чистку рядов в Академии наук СССР.

В этом контексте можно согласиться с мнением кандидата исторических наук А. А. Формозова, который называет 1929–1933 гг. временем коренной перестройки ГАИМК и других учреждений, занимавшихся организацией исторической науки в СССР и археологии в частности. Тенденцией стало вытеснение старых кадров археологов, воспитанных еще в досоветскую эпоху: в Москве это были ученики В. А. Городцова, в Ленинграде – Ф. К. Волкова (к которым относился и Глеб Анатольевич), сотрудники Н. Я. Марра. Им на смену приходили новые, только закончившие аспирантуру специалисты – А. Н. Бернштам, П. И. Борисковский, С. Н. Замятнин, А. П. Окладников и другие. Им предстояло еще совершить свои выдающиеся открытия – пока же они выступали в роли идеологически бдительных ученых, ниспровергая вчерашних авторитетов в русле «руководящей и направляющей». Одним из руководителей этого процесса стал В. И. Равдоникас, выступивший в 1930 г. со своей программной книгой «За марксистскую историю материальной культуры», ставшей сигналом к реорганизации ГАИМК и определяющей в идеологическом оформлении советской археологии 30-е гг. XX в. [18, с. 49–62].

На фоне «Академического дела» эти события выглядели симптоматично и логично, а Глеба Анатольевича в этом контексте коснулось специальное разбирательство, ставшее результатом личного конфликта ученого с В. И. Равдоникасом и Н. И. Репниковым в 1929 г., имевшего «крымские корни». Ему были выдвинуты обвинения в нецелевом использовании средств на раскопки, было организовано шельмование в студенческой среде ЛГУ, где он преподавал на кафедре антропологии, но был вынужден уйти в 1929 г. вследствие реорганизации, фактически – под давлением, были и попытки выдвинуть идеологические обвинения. «Дело Бонч-

Осмоловского» марта 1930 г. не будь на то воли и авторитета, руководителей образованной следственной комиссии Секции научных работников АН СССР, главы ГАИМК академика Н. Я. Марра и его заместителя Ф. В. Кипарисова вполне могло вылиться в реальное уголовное преследование. Советская археологическая наука только вступала в период потрясений и репрессий [17, с. 200–202].

Однако судьба ненадолго отсрочила испытание Глебу Анатольевичу. На рубеже 20–30-х гг. XX в. были арестованы практически все его друзья студенческих лет – Н. П. Анциферов, Ф. А. Фиельструп, Б. Г. Крыжановский. В ноябре 1933 г. ученый понял, что он – следующий на очереди. Н. И. Платонова так описывает события вечера 29 ноября 1933 г. по неопубликованным воспоминаниям О. Г. Бонч-Осмоловской: «...Глеб сел на край кушетки, обхватив колени, и стал раскачиваться из стороны в сторону, как делал это всегда в минуты неприятных раздумий. Наконец он сказал: «Сегодня взяли Фафа... (таким было дружеское прозвище Ф. А. Фиельструпа. – *Авт.*)» ... Взяты все. Теперь очередь за мной. Я попробовал привести в порядок бумаги на случай обыска. Скрывать мне нечего, но пусть будет порядок. Но я сам не знаю, зачем. «Им»-то мои работы не нужны. Сколько ни ломаю голову, не могу понять, для чего и кому нужно все это, что сейчас делается, а когда не можешь понять и объяснить – трудно жить...» Мы опять замолчали, подавленные неотвязной мыслью. В это время раздался звонок, и «они» пришли. Мы не удивились и почти не испугались» [15, с. 106–107].

Глеб Анатольевич был обвинен в участии в «фашистском заговоре», проходил по процессу т. н. «Российской Национальной партии». В соответствующих документах с места работы – служебной записке Геологического института (ГИН) АН СССР на запрос Личного стола АН СССР от 21 декабря 1933 г. сухо значится: «ГИН настоящим сообщает, что зав. Четвертичным отделом Бонч-Осмоловский отсутствует в институте с 1-го декабря с/г.» [19, л. 15]. Ясность с дальнейшей судьбой ученого, очевидно, проявлялась по ходу следствия. Уже 17 февраля 1934 г. был выпущен приказ № 24 отдела кадров АН СССР по личному составу, во втором параграфе значилась характерная формулировка: «Считать отчисленным зав. Четвертичным отделом ГИНа, тов. Бонч-Осмоловского Г. А. с 1/II-[19]34 г. вследствие его ареста» [19, л. 16]. Такая же формулировка была внесена и в трудовую книжку ученого, сохранившуюся в его личном деле сотрудника АН в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [20, л. 9 об.]. 12 апреля 1934 г. Глеб Анатольевич был осужден на три года исправительных работ. Наказание было назначено отбывать в Ухтпечлаге, в Воркуте. Работа геолога на руднике была ему знакома, опыт раскопок позволил внести несколько новшеств в методику бурения, что стало основанием для досрочного освобождения ученого из заключения уже 25 февраля 1936 г. [12, с. 312].

Однако, уже через две недели после вынесения приговора ученому, 26 апреля 1934 г. сотрудниками одного из мест работы Глеба Анатольевича – Института истории феодального общества ГАИМК – был составлен «Отзыв о научной работе быв[шего] старшего научного сотрудника Государственной Академии Истории Материальной Культуры Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского», сохранившийся в фондах ИИМК РАН НА РО [21, л. 53–53 об., 54–54 об.]. Мотивы составления данного документа в тексте не указаны, однако его содержание дает основания предпо-

ложить, что коллеги пытались оспорить вынесенный приговор и данный отзыв был направлен для органов ОГПУ. Автором документа стал П. П. Ефименко. Он отмечал, что «Бонч-Осмоловскому принадлежит ряд работ по древнейшей, палеолитической истории Крыма, которой он почти целиком посвятил последние десять-двенадцать лет. Можно сказать, что с его исследованиями, по преимуществу пещерных местонахождений Крыма, связано в основном все то, что мы знаем в настоящее время о крымском палеолите». Также было подчеркнуто: «открытия, которыми мы обязаны Бонч-Осмоловскому <...> вне всякого сомнения вносят много нового и достаточно ценного в науку о первобытной истории Европы». Перечислялись основные экспедиции Глеба Анатольевича по исследованию Киик-Кобы, Шайтан-Кобы, Сюреньских пещер и других памятников [21, л. 54].

Остановился П. П. Ефименко и на прерванных исследованиях коллеги: так, им было отмечено, что результаты исследования Г. А. Бонч-Осмоловского «в предварительной форме были опубликованы в ряде изданий. В последнее время по кафедре Дородового общества он был занят подготовкой большой итоговой работы по крымскому палеолиту». Представленные коллегам по ГАИМК доклады ученого, по мнению П. П. Ефименко, также встречали «вполне положительную оценку». Без внимания не осталась и организаторская работа Г. А. Бонч-Осмоловского, которая проявлялась в активной подготовке к проведению Международного съезда по четвертичной геологии (состоялся в Ленинграде в сентябре 1932 г.), руководстве секцией человека на этом форуме, создании и руководстве Четвертичным отделом Геологического института АН СССР, ставшим базой для международных контактов. Методы работы ученого повлияли и на то, что на последующих подобных международных научных конференциях (Нью-Йорк, Прага) проблема антропогенеза в формате секции человека заняла одно из наиболее прочных мест. Выводом из приведенных фактов стало утверждение П. П. Ефименко о том, что «с Бонч-Осмоловским, за последние годы, был связан достаточно крупный участок научно-исследовательской и организационной работы. Его значение, как научного работника, приходится оценивать, т[аким] о[бразом], достаточно высоко» [21, л. 54].

Была высказана в отзыве и критика. Петр Петрович отметил как «слабую сторону» Глеба Анатольевича «собственно теоретическую часть». При этом говорилось, что Г. А. Бонч-Осмоловский «значительно сильнее как исследователь-практик, чем в области научных обобщений». По мнению археолога в выводах ученого «недостает широты исторического понимания фактов, которое подменяется в значительной мере вульгарно-материалистическими толкованиями». П. П. Ефименко объяснял это свое заключение тем «что Бонч-Осмоловский в области изучения дородового строя остался на позициях естественника, каким он и является по своему первому образованию. Изучение памятников первобытной истории под углом зрения натуралиста для него имеет не меньшее, если не большее значение, чем изучение их как исторических источников». В заключение отзыва П. П. Ефименко дал характеристику и работе Глеба Анатольевича в стенах ГАИМК: подтверждалось его соответствие званию старшего научного сотрудника (а он не имел еще официальной ученой степени – Авт.), но при этом подчеркивалось, что Г. А. Бонч-Осмоловский «мог иметь известное право на более высокое звание» [21, л. 54–54 об.].

Содержание данного отзыва явно демонстрирует желание коллег по ГАИМК оказать помощь осужденному сотруднику. Высказанная же критика органично вписывалась в рамки привычных отношений в среде ученых. Более того, П. П. Ефименко, даже не соглашаясь с позициями Г. А. Бонч-Осмоловского, приводил аргументы для обоснования таких взглядов коллеги, указывая на разность подходов при изучении первобытной эпохи историками и специалистами естественнонаучных специальностей. Поэтому, считать критические замечания желанием каким-то образом усугубить судьбу Глеба Анатольевича, конечно же, нельзя. Не лишним будет и отметить, что критика П. П. Ефименко в целом повторяла его же слова, сказанные в марте 1930 г. при рассмотрении «дела Бонч-Осмоловского». Это свидетельствует о том, что обычная в науке конкуренция не мешала уважительным и партнерским отношениям между такими выдающимися исследователями первобытной эпохи как Г. А. Бонч-Осмоловский и П. П. Ефименко.

Однако, еще более симптоматичным фактом, подтверждающим защитительный характер отзыва, является короткая приписка, сделанная на следующий день после его составления – 27 апреля. Ее автором стал академик АН СССР, секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР Иван Иванович Мещанинов (1883–1967) и она гласила: «К этому отзыву вполне присоединяюсь. И. Мещанинов». Необходимо отметить, что голос поддержки руководителя АН СССР такого уровня свидетельствовал как о реальном авторитете Г. А. Бонч-Осмоловского в научной среде Ленинграда и АН в целом, так и о стремлении научной школы Н. Я. Марра сказать свое слово в защиту уже осужденного: И. И. Мещанинов был ближайшим учеником и последователем руководителя ГАИМК. Учитывая же преклонный возраст Н. Я. Марра, фактически И. И. Мещанинов уже был руководителем этой школы. В этом контексте логично снова провести параллели с рассмотрением в марте 1930 г. «дела Бонч-Осмоловского», когда ключевую позицию, обеспечившую благоприятный исход для Глеба Анатольевича занял именно Н. Я. Марр. Как видим, стремление сохранить еще досоветский дух и смысл научной коммуникации, сохранялся и в мрачные для науки и человеческих отношений 30-е годы XX века.

Однако в то время торжествовали другие, далекие от высокой науки силы. Срок в Ухтпечлаге Г. А. Бонч-Осмоловский был вынужден отбыть, сумев, благодаря личной инициативе, сократить свои лагерные лишения и мучения на 8 месяцев. Свидетельством международного признания заключенного советского ученого является письмо, датированное 30 октября 1935 г. в адрес Государственного Русского музея в Ленинграде (первое, официальное место работы Глеба Анатольевича после получения диплома в 1923 г., с которым он не терял связи никогда – Авт.), подписанное председателем Отдела антропологии и психологии Государственного исследовательского совета США в Вашингтоне Эдвардом Сапиром, сохранившееся в фондах Научного архива РЭМ [22, л. 31–33]. В нем, американский исследователь обращался к Глебу Анатольевичу с предложением принять участие в составлении полного адрес-календаря антропологов всего мира, для этого к письму была приложена специальная анкета. Также господин Сапир просил содействия Г. А. Бонч-Осмоловского в деле пополнения издания анкетными данными других антропологов из СССР и вы-

ражал надежду, что планируемое издание сможет стать исчерпывающим справочником [22, л. 33]. К сожалению, американским коллегам была, очевидно, неизвестна судьба лидера советской антропологии. Анкета осталась в архивном деле незаполненной, а письмо – без ответа.

Освобождение пришло к Глебу Анатольевичу 25 февраля 1936 г., сам факт досрочного окончания срока можно трактовать как определенную благосклонность судьбы: лагерный срок в три года можно считать относительно мягким в сравнении с судьбами других подвижников советской науки того периода – тех же друзей ученого Ф. А. Фиельструпа и Н. П. Анциферова и многих других историков, этнографов, археологов... Места отбывания наказания, безусловно, подорвали и без того слабое здоровье ученого (еще в 1917 г. на фронте у него открылся туберкулез, что стало причиной комиссования и последующего долгого лечения в 1917–1919 гг. в Ялте – Авт.). Известно, что по возвращении в Ленинград, 19 мая 1935 г. Глеб Анатольевич отправил письмо на имя Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского с ходатайством об освобождении несправедливо осужденных в воркутинских лагерях. Очевидно, что такое обращение осталось без ответа. Безрадостными были и перспективы самого Г. А. Бонч-Осмоловского: ему запрещалось жить в Москве и Ленинграде, использовалась традиционная в таких случаях методика выселения «за 101 километр». Местом проживания ученый выбрал станцию Оредеж в Ленинградской области, где смог отдохнуть душевно, но был лишен практических возможностей заниматься научными исследованиями [12, с. 313–314].

А необходимость завершить обобщение материалов Крымской палеоэтнологической экспедиции (1923–1933) хотя бы по исследованиям Киик-Кобы была и она вызвала интерес в АН СССР. С Глебом Анатольевичем был заключен договор на написание трехтомной капитальной монографии «Палеолит Крыма», основой которого должен был стать анализ памятника и костных останков неандертальцев, найденных в 1924–1925 гг. Эти скудные средства и были основным заработком ученого, не имевшего постоянного места работы и удаленного от основных библиотечных и камеральных центров Ленинграда. Под страхом доноса и неминуемого ареста приходилось тайно приезжать в город, участвовать в работе Четвертичной комиссии ГИН АН СССР и структур ГАИМК, коллеги знали о запретах и ограничениях, но на откровенную подлость никто не решился [11, с. 139]. Между тем, наступали самые мрачные времена «большого террора» 1937–1938 гг. Логичным стало стремление добиться снятия ареста и возможности полноценного возвращения в науку.

В защиту Г. А. Бонч-Осмоловского выступали самые разные представители советской науки. В фондах ИИМК РАН НА РО сохранился краткий отзыв Президента АН СССР Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), в котором признавались заслуги Глеба Анатольевича перед советской наукой и подчеркивалось большое значение исследований по подготовке «Палеолита Крыма» к изданию [21, л. 19]. Наиболее полным в данном ряду можно назвать отзыв директора Петрографического института АН СССР имени Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, академика АН СССР Франца Юльевича Левинсон-Лессинга (1861–1939) (подобное прижизненное именование разного рода учреждений «в честь» и по случаю юбилея, в данном случае, правда, абсолютно обоснованное, было характерной чертой расцвета сталинской

эпохи – Авт.) от 3 июля 1936 г. К заслугам Г. А. Бонч-Осмоловского были отнесены и результаты его полевой деятельности, и организаторская работа по созданию Четвертичной галереи в Геологическом музее АН СССР и в подготовке выставки для Международной ассоциации по изучению Четвертичного периода. Впервые была признана роль ученого не только в изучении археологии и антропологии, но и геологии – в отзыве он был назван «крупным специалистом в области доисторической археологии и четвертичных отложений», в целом он оценивался как «интересный и ценный научный работник», сочетающий «гуманитарные знания с интересом к геологии и необходимыми знаниями в этой области». Вывод руководителя одного из подразделений АН СССР был однозначным: «в интересах науки крайне желательно возобновление Г. А. Бонч-Осмоловским его прерванных научных исследований» [21, л. 20].

По мере подготовки к печати томов «Палеолита Крыма» происходило их рецензирование наиболее авторитетными специалистами. В фондах ИИМК РАН НА РО сохранился ряд таких отзывов. Один из них принадлежит профессиональному антропологу Якову Яковлевичу Рогинскому (1895–1987), в будущем – профессору и одному из классиков советской науки о происхождении человека. В отзыве на II том «Палеолита Крыма» (может быть датирован 1939–1940 гг.) – монографию «Кисть неандертальского человека из грота Киик-Коба» отмечалось, что находки совершенные Г. А. Бонч-Осмоловским в Киик-Кобе относятся к более древнему периоду, чем находки останков неандертальцев в Западной Европе, а, следовательно – «представляют материал исключительного значения для науки». Также указывалось на личные заслуги автора – «по детальности анализа, по тщательности методики [монография] несомненно, превосходит аналогичные западноевропейские работы, пользующиеся репутацией классических». Я. Я. Рогинский указывал на необходимость скорейшего выпуска монографии ввиду значительного временного промежутка между совершением самих находок и публикацией их исследования, а также – фактом выхода археологической части монографии (I том «Палеолита Крыма») и отсутствием в палеоантропологии того периода материалов, касающихся эволюции руки неандертальца [21, л. 23–23 об.].

Необходимость полноценной научной работы вынуждала Г. А. Бонч-Осмоловского обращаться непосредственно в органы НКВД с ходатайствами о снятии судимости. Так, в фондах ИИМК РАН НА РО сохранился текст его обращения, написанного в 1940 г., на имя начальника Управления НКВД по Ленинградской области С. А. Гоглидзе (1901–1953), одного из наиболее активных и жестоких соратников наркома внутренних дел страны Л. П. Берия. Ученый обращал внимание чиновника госбезопасности на значение его исследований: «...мне удалось, как можно видеть из прилагаемых при сем отзывов (в архивном деле ИИМК РАН НА РО присутствуют все вышеприведенные отзывы и письма. – Авт.), сделать крупное открытие, позволяющее совсем по новому осветить проблему происхождения человека». Сообщал Глеб Анатольевич и о ходе написания «Палеолита Крыма» – первый том уже был напечатан, второй – готовился к выходу в свет в Издательстве АН СССР, над третьим шла работа. Значительное место в письме занимало объяснение бытовых условий автора: говорилось и о полученном в 1933 г. 3-летнем лагерном сроке,

и о досрочном освобождении в 1936 г., и о необходимости жить на станции Ордежь далеко от Ленинграда, где были сосредоточены основные полевые материалы экспедиций и необходимые для работы книги, и о нехватке материальных средств, предусмотренных по договору с Издательством АН СССР. Особое внимание Глеб Анатольевич обратил на то, что негативные условия работы влияют на ее качество и сроки исполнения. Для наглядной демонстрации особенности своих исследований он писал: «...в целях получения точного скелетного материала мне пришлось в течение месяца тайком, в лесу у костра вываривать 20 человеческих рук» (! – Авт.). Очевидно, такие примеры должны были подействовать на опытного чекиста. Сутью обращения ученого было повторное ходатайство о снятии судимости, предыдущие обращения результатов не имели, последняя попытка была предпринята 7 июня 1939 г. и была поддержана Президентом АН СССР В. Л. Комаровым и также оставалась без рассмотрения. Просьба у Г. А. Бонч-Осмоловского была одна: «Прошу Вас обратить внимание на тяжелые условия моей работы и разрешить мне поселиться в Ленинграде» [21, л. 17]. В итоге, 22 февраля 1941 г. было принято решение о снятии судимости с ученого, что означало возвращение в Ленинград.

Однозначных указаний на то, что именно повлияло на решение о восстановлении гражданских прав Г. А. Бонч-Осмоловского, пока не обнаружено. Скорее всего, сыграла роль совокупность обращений представителей АН СССР, а также оперативное начало издания «Палеолита Крыма» – наглядное выражение работоспособности и реальных результатов исследований ученого, что для чиновников как госбезопасности, так и от науки было приоритетным. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что снятие судимости, по сути – реабилитация, в условиях начала 40-х годов XX в. было случаем небывалым, можно сказать – единичным. Тем более явными становятся та последовательность Глеба Анатольевича, солидарность коллег, подвижничество семьи, которые и стали залогом возвращения ученого к нормальной, человеческой жизни.

Трагические для Советской страны летние месяцы 1941 г. стали для Г. А. Бонч-Осмоловского временем своеобразного личного триумфа: он был зачислен внештатным профессором в ЛГУ, уже после начала Великой Отечественной войны – 9 июля 1941 г. написал заявление с просьбой принять его на должность старшего научного сотрудника в Институт истории материальной культуры (ИИМК) имени Н. Я. Марра АН СССР, преемника ГАИМК, в которой он работал в 1930–1933 гг. На данном документе есть резолюция П. П. Ефименко: «Всемерно поддерживаю ходатайство Бонч-Осмоловского». Директор ИИМК Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972) принял по заявлению положительное решение [21, л. 14].

Однако настоящим венцом возвращения в советскую археологическую и антропологическую науку стало для Глеба Анатольевича заседание Ученого совета ИИМК имени Н. Я. Марра АН СССР от 27 сентября 1941 г., проходившего уже во время начального этапа блокады Ленинграда немецко-фашистскими захватчиками. Выписка из протокола заседания [23, л. 1] повествует о том, что одним из вопросов повестки дня значилось: «О присуждении степени доктора исторических наук Г. А. Бонч-Осмоловскому, без защиты диссертации». Согласно информации заведующей подготовкой кадров ИИМК АН СССР М. А. Тихановой соискателем были

предоставлены необходимые документы: диплом о высшем образовании, биография, список печатных работ, отзывы: академиков А. А. Борисяка и И. И. Мещанинова, профессоров П. П. Ефименко и Д. Н. Кашкарова, рецензию доктора биологических наук Г. Ф. Дебеца на II том «Палеолита Крыма», текст книги, которая выступала в качестве диссертационной работы. Тайное голосование определило, что 13 членов совета приняли положительное решение единогласно [23, л. 1, 4]. В скором времени Высшая аттестационная комиссия СССР подтвердила этот вердикт ленинградских ученых. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский обрел давно заслуженный статус в советской науке.

Примечательно, что на том же заседании Ученого совета ИИМК АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации одного из наиболее близких сотрудников крымских экспедиций Г. А. Бонч-Осмоловского 20-х – начала 30-х гг. XX в. – ученого секретаря ИИМК С. Н. Бибикова «Позднепалеолитическое поселение в пещерах Шань-Коба Мурзак-Коба» на которой бывший учитель выступил официальным оппонентом соискателя [23, л. 3об.]. Таким образом, преемственность поколений исследования крымского палеолита была обеспечена, ведь именно благодаря подвижничеству сотрудников Глеба Анатольевича – С. Н. Бибикова и С. А. Трусовой многие материалы раскопок были сохранены и дождались возвращения в науку их исследователя.

Последующие события в жизни Г. А. Бонч-Осмоловского были связаны с условиями военного времени. В ноябре 1941 г. в составе сотрудников АН СССР он покинул блокадный Ленинград – состояние здоровья постоянно ухудшалось, для продолжения подготовки третьего тома «Палеолита Крыма» были необходимы другие условия жизни. В эвакуацию ученый попал в Казань, где с 1942 г. стал преподавать антропологию в местном университете, а с 1 июля 1942 г. был зачислен для работы научным сотрудником Института физиологии имени И. П. Павлова АН СССР, которым руководил академик Л. А. Орбели, который лично распорядился принять исследователя на работу. Начиналась еще одна, к сожалению, завершающая стадия научных исследований Глеба Анатольевича, связанных с проблемами физиологических реакций первобытных людей [11, с. 141; 24, л. 3–4 об.]. Подорванное здоровье и смерть ученого 1 ноября 1943 г. внезапно остановили написание «Палеолита Крыма», фактически – оставили незавершенными даже обобщения по материалам раскопок Киик-Кобы (третий том издания вышел в 1954 г. благодаря материалам Г. А. Бонч-Осмоловского, структурированным его второй супругой Н. В. Тагеевой и отредактированным доктором исторических наук, профессором МГУ В. В. Бунаком). Пусть и с опозданием, но долг ученого перед наукой и страной был выполнен, несмотря на те страдания и притеснения, которыми «наградил» его советское государство.

В целом, можно подвести следующие итоги нашего исследования:

- тема восстановления биографии Г. А. Бонч-Осмоловского представляет актуальный научный интерес, является перспективной исследовательской задачей монографического уровня;
- характерной особенностью данного исследования является неоднозначность и неоднородность источниковой базы, проблемность доступности документов личных

фондов ученого в соответствующих ведомственных архивах (ИИМК РАН НА РО и АРЭМ, г. Санкт-Петербург), что влечет за собой недостаток документальных свидетельств тех или иных событий в жизни выдающего археолога и антрополога;

- рассмотренный сюжет действий по реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского демонстрирует наличие корпоративной солидарности представителей разных отраслей советской науки 30-х гг. XX в., подчеркивает понимание масштабности и значения исследований ученого на уровне руководства АН СССР, необходимости их развития для повышения общего авторитета советской науки в международном масштабе;

- пример научной деятельности и гражданской позиции Г. А. Бонч-Осмоловского наглядно демонстрирует всю противоречивость обстоятельств развития советской науки в 20–30-е гг. XX в., обозначает ориентир образа ученого того периода для современных исследователей.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 3).
1. Непомнџашхџ А. А. Арсениџ Маркевич : stranicy istorii krymskogo kraevedeniџa / А. А. Непомнџашхџ. – Simferopol' : Biznes-Inforn, 2005. – 432 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedeniџa» ; vyp. 3).
2. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2006. – 324 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 7).
2. Непомнџашхџ А. А. Podvizhniki krymovedeniџa / А. А. Непомнџашхџ. – Simferopol' : SGT, 2006. – 324 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedeniџa» ; vyp. 7).
3. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 12).
3. Непомнџашхџ А. А. Podvizhniki krymovedeniџa / А. А. Непомнџашхџ. – Simferopol' : SGT, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – 600 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedeniџa» ; vyp. 12).
4. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – К. : Стилоc, 2012. – 464 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 15).
4. Непомнџашхџ А. А. Professor Nikolaj Jernst : stranicy istorii krymskogo kraevedeniџa / А. А. Непомнџашхџ / Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – K. : Stilos, 2012. – 464 s. – (Serija : «Biobibliografija krymovedeniџa» ; vyp. 15).
5. Бібіков С. М. Г. А. Бонч-Осмоловський : нарис діяльності / С. М. Бібіков // Археологія. – 1971. – № 3. – С. 94–98.
5. Bibikov S. M. G. A. Bonch-Osmolovs'kij : naris dij'al'nosti / S. M. Bibikov // Arheologija. – 1971. – № 3. – S. 94–98.
6. Бибигов С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский / С. Н. Бибигов // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 277–283.
6. Bibikov S. N. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskij / S. N. Bibikov // Sovetskaja arheologija. – 1990. – № 1. – S. 277–283.
7. Смирнов С. В. Г. А. Бонч-Осмоловський і сучасна археологія / С. В. Смирнов // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 146–153.
7. Smirnov S. V. G. A. Bonch-Osmolovs'kij i suchasna arheologija / S. V. Smirnov // Arheologija. – 1990. – № 1. – S. 146–153.
8. Григорьев Г. П. Место Г. А. Бонч-Осмоловского в становлении и развитии отечественной школы изучения палеолита / Г. П. Григорьев // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф., 11–13 декабря 1990 г. / СПб. гос. ун-т. – 1993. – С. 33–35.

Grigor'ev G. P. Mesto G. A. Bonch-Osmolovskogo v stanovlenii i razvitii otechestvennoj shkoly izuchenija paleolita / G. P. Grigor'ev // Problemy istorii otechestvennoj arheologii : tez. dokl. konf., 11–13 dekabnja 1990 g. / SPb. gos. un-t. – 1993. – S. 33–35.

9. Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение / С. А. Васильев // Российская археология. – 1994. – № 2. – С. 202–207.

Vasil'ev S. A. G. A. Bonch-Osmolovskij i sovremennoe paleolitovedenie / S. A. Vasil'ev // Rossijskaja arheologija. – 1994. – № 2. – S. 202–207.

10. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : историографические очерки / У. К. Мусаева ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь : Таврия, 2004. – С. 51–70. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения»; вып. 2).

Musaeva U. K. Podvizhniki krymskoj jetnografii, 1921–1941 : istoriograficheskie ocherki / U. K. Musaeva ; pod red. i vstup. st. A. A. Nepomnjashhego / Tavricheskij nac. un-t im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol' : Tavrija, 2004. – S. 51–70. – (Serija : «Biobibliografija krymovedenija»; vup. 2).

11. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский : этапы творческой биографии / Н. И. Платонова // Санкт-Петербург и отечественная археология : историографические очерки / СПб. гос. ун-т. – СПб., 1995. – С. 121–144.

Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskij : jetyapy tvorcheskoj biografii / N. I. Platonova // Sankt-Peterburg i otechestvennaja arheologija : istoriograficheskie ocherki / SPb. gos. un-t. – SPb., 1995. – S. 121–144.

12. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский : по страницам семейного архива / Н. И. Платонова // Археологические вести. – 2005. – № 12. – С. 301–316.

Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskij : po stranicam semejnogo arhiva / N. I. Platonova // Arheologicheskie vesti. – 2005. – № 12. – S. 301–316.

13. Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский : путь в археологию / Н. И. Платонова // Российская археология. – 2009. – № 1. – С. 166–174.

Platonova N. I. G. A. Bonch-Osmolovskij : put' v arheologiju / N. I. Platonova // Rossijskaja arheologija. – 2009. – № 1. – S. 166–174.

14. Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский и его сотрудники / Н. И. Платонова // С. Н. Бибииков и первобытная археология : сб. научных трудов. – СПб., 2009. – С. 20–28.

Platonova N. I. G. A. Bonch-Osmolovskij i ego sotrudniki / N. I. Platonova // S. N. Bibikov i pervobytnaja arheologija : sb. nauchnyh trudov. – SPb., 2009. – S. 20–28.

15. Сомова Л. М. Г. П. Сомов / Л. М. Сомова, Н. И. Платонова. – Владивосток : Медицина ДВ, 2012. – С. 71–122.

Somova L. M. G. P. Somov / L. M. Somova, N. I. Platonova. – Vladivostok : Medicina DV, 2012. – S. 71–122.

16. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения : Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов ; под ред. А. А. Непомнящего / Центр памятниковедения НАН Украины и УООПИК. – К. ; Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия : Биобиблиография крымоведения ; вып. 13).

Sevast'janov A. V. Desjat' let na sluzhbe kraevedenija : Rossijskoe obshhestvo po izucheniju Kryma (1922–1932) / A. V. Sevast'janov ; pod red. A. A. Nepomnjashhego / Centr pamjatnikovedenija NAN Ukrainy i UOOPIK. – K. ; Simferopol', 2010. – 255 s. – (Serija : Biobibliografija krymovedenija ; vup. 13).

17. Севастьянов А. В. Ленинградское эхо крымского конфликта : новые подробности научного противостояния Н. И. Репникова и Н. Л. Эрнста на рубеже 20–30-х гг. XX в. / А. В. Севастьянов // Раці Центру пам'яткознавства. / НАН України ; УТОПІК. – К., 2013. – Вип. 23. – С. 178–205.

Sevast'janov A. V. Leningradskoe jeho krymskogo konflikta : novye podrobnosti nauchnogo protivostojanija N. I. Repnikova i N. L. Jernsta na rubezhe 20–30-h gg. XX v. / A. V. Sevast'janov // Praci Centru pam'jatkoznavstva. / NAN Ukraїni ; UTOPIK. – K., 2013. – Vip. 23. – S. 178–205.

18. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма : историографические очерки / А. А. Формозов. – М. : Знак, 2006. – 242 с.

Formozov A. A. Russkie arheologi v period totalitarizma : istoriograficheskie ocherki / A. A. Formozov. – M. : Znak, 2006. – 242 s.

19. СПФАРАН, ф. 4, оп. 4, д. 2161, 16 л.

SPFARAN, f. 4, op. 4, d. 2161, 16 l.

20. СПФАРАН, ф. 4, оп. 4, д. 4875, 10 л.
SPFARAN, f. 4, op. 4, d. 4875, 10 l.
21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 3, д. 76, 54 л.
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 3, d. 76, 54 l.
22. АРЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 106, 43 л.
ARJeM, f. 2, op. 1, d. 106, 43 l.
23. ИИМК РАН НА РО, ф. 35, оп. 3, д. 9, 43 л.
ИМК РАН НА РО, f. 35, op. 3, d. 9, 43 l.
24. СПФАРАН, ф. 153, оп. 3, д. 235, 4 л.
SPFARAN, f. 153, op. 3, d. 235, 4 l.

Севастьянов А. В. Повернення вченого : навколо реабілітації Г. А. Бонч-Осмоловського (кінець 30-х – початок 40-х рр. XX ст.) / А. В. Севастьянов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 125–142.

У статті на основі узагальнення нових документальних матеріалів відомчих архівів Санкт-Петербургу (СПФАРАН, ІМК РАН НА РВ, АРЕМ) і розробок сучасної біоісторіографії висвітлюються обставини реабілітації Г. А. Бонч-Осмоловського після відбування табірної ув'язнення в 1934–1936 рр. наприкінці 30-х – початку 40-х рр. XX ст. Простежуються основні етапи створення ним капітальної монографії «Палеоліт Криму» і присудження наукового ступеня доктора історичних наук в 1941 р.

Проблема вивчення періоду масових репресій (кінець 20 – початок 50-х рр. XX ст.), спрямованих проти видатних діячів вітчизняної науки і культури займає все більш помітне місце в розробках сучасної історіографії. Чимале значення мають дослідження, присвячені введенню нових корпусів невідомих архівних документів, що дозволяють відновити нові факти біографій вчених, вплив цих подій на загальну атмосферу і стан науки в досліджуваній період. Вивчення історії кримознавства в 20–30-х рр. XX ст. містить ще чимало недосліджених сюжетів. Одним з них є наукова біографія та аналіз творчої спадщини видатного радянського археолога, антрополога і етнографа Г. А. Бонч-Осмоловського. Одним з маловивчених сюжетів життя вченого є обставини його арешту в 1933 р., відбування сфальшованого покарання та повернення до Ленінграда в 1936 р. і подальшої боротьби за реабілітацію. Пояснюється це, насамперед, суперечливістю джерельної бази. Значний пласт інформації містять матеріали фондів ІМК РАН НА РВ. Однак, матеріали особових фондів Г. А. Бонч-Осмоловського, як у ІМК РАН НА РВ (ф. 71), так і в АРЕМ залишаються недоступні дослідникам, т. я. в них не проведена необхідна науково-технічна обробка матеріалів. При цьому склад цих фондів грає ключову роль при відновленні основних етапів біографії вченого.

На рубежі 20–30-х рр. XX ст. Г. А. Бонч-Осмоловський вже був визнаним вченим. Про це говорять його численні публікації про розкопки первісних скельних навісів і печер в Криму. Була підтверджена автентичність і старовина кісткових останків неандертальців з печери Київ-Коба, почалася масштабна робота з аналізу антропологічних матеріалів, формулювання теоретичних висновків. У 1926 р. вчений зміг здійснити поїздку до Франції і провести необхідні консультації з найбільш значимими дослідниками світового масштабу. Поряд з професором П. П. Єфименко Г. А. Бонч-Осмоловський був найбільш авторитетним фахівцем з палеоліту в радянській науці, очолював Четвертинний відділ в Геологічному інституті АН СРСР. 29 листопада 1933 вчений був заарештований, у квітні 1934 р. засуджений до 3-річного табірному терміну в Воркуті, зумів достроково звільнитися в лютому 1936 р., після чого вів постійну боротьбу за реабілітацію, в якій брали участь авторитетні представники різних підрозділів АН СРСР. Її результатом стало зняття судимості в лютому 1941 р., відновлення наукової репутації і присудження наукового ступеня доктора історичних наук у вересні 1941 р без захисту дисертації.

Ключові слова: Г. А. Бонч-Осмоловський, палеоліт Криму, Академія наук СРСР, Інститут історії матеріальної культури імені М. Я. Марра АН СРСР, П. П. Єфименко.

Sevastyanov A. V. Return of scientist : around rehabilitation G. A. Bonch-Osmolovsky (late 30 's - early 40 's XX century) / A. V. Sevastyanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 125–142.

On the basis of generalization of new documentaries departmental archives of St. Petersburg (SPFARAN, ИМК, АРЕМ) and the development of modern bioistoriografii highlights circumstances rehabilitation

G. A. Bonch-Osmolovsky camp after serving imprisonment in 1934–1936 ., at the end of 30 's – early 40 's XX century. The main stages of creating their fundamental book «The Paleolithic of Crimea» and the award of the degree of Doctor of Historical Sciences in 1941.

The problem of studying the period of mass repression (late 20 – early 50 's XX century) against the outstanding figures of Soviet science and culture occupies a more prominent place in the development of modern historiography. Considerable importance of research devoted to the introduction of the new buildings of unknown archive documents, enabling restoration of new facts biographies of scientists, the impact of these events on the general atmosphere and the state of science in the study period. The study of history of Crimea local lore in the 20–30's the XX century still contains a lot of unexplored subjects. One of them is the biographic analysis of the creative heritage of outstanding Soviet archaeologist, anthropologist and ethnographer G. A. Bonch-Osmolovsky. One of the little-known stories of life of the scientist are the circumstances of his arrest in 1933, the conclusion and return to Leningrad in 1936 and the subsequent struggle for rehabilitation. The reason is, first of all, the inconsistency of the source base. A considerable amount of information materials contain funds IHMC. However, materials of personal funds G. A. Bonch-Osmolovsky in IHMC (form 71), and in AREM remain available to researchers because they do not undertake the necessary scientific and technical processing of materials. The composition of these funds play a key role in the reconstruction of the main stages of the biography of the scientist.

At the turn of the 20's – 30 's XX century G. A. Bonch- Osmolovsky already been established scholars. This is indicated by his numerous publications on the excavations of prehistoric rock shelters and caves in the Crimea. Was confirmed the authenticity and antiquity of the skeletal remains of Neanderthal cave Kiik- Koba, began a large-scale work on the analysis of anthropological materials, formulation of the theoretical conclusions. In 1926, the scientist was able to make a trip to France and undertake the necessary consultations with the most important researchers worldwide. Along with professor P. P. Efimenko G. A. Bonch- Osmolovsky was the most authoritative expert on Paleolithic in Soviet science, led the Quaternary section at the Geological Institute of the USSR Academy of Sciences. November 29, 1933, the scientist was arrested, in April 1934 – was sentenced to three -year term of the camp in Vorkuta, managed to escape early in February 1936, and then led a constant struggle for rehabilitation, participation by authoritative representatives of various departments Academy of Sciences USSR. Its result was the removal of conviction in February 1941, the restoration of academic reputation and the award of the degree of Doctor of Historical Sciences in September 1941 without a thesis.

Keywords: G. A. Bonch-Osmolovsky, paleolithic of Crimea, USSR Academy of Sciences, Institute of History of Material Culture named N. Ya. Marr Academy of Sciences of the USSR, P. P. Efimenko.

Поступила в редакцию 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. А. Непомнящий

д.и.н., проф. Е. В. Смынгына